

УДК 316.454.3

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_177

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ И МЕХАНИЗМОВ ЦИФРОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ НА ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ПОКОЛЕНИЯ Z (НА ПРИМЕРЕ Г. УФЫ, РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН)

Ирида Ирековна Еникеева,

Уфимский государственный нефтяной
технический университет, Уфа, Россия,
zekrist@mail.ru

Радик Зинатович Юлбаев,

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия,
yulbayev@mail.ru

Получена 24.01.2024.

Поступила после рецензирования 06.06.2024.

Принята к публикации 05.11.2024.

Для цитирования: Еникеева И.И., Юлбаев Р.З. Особенности влияния процессов и механизмов цифрового повествования на гражданскую идентичность молодежи поколения Z (на примере г. Уфы, Республика Башкортостан) // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 4. С. 177–201. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_177

© Еникеева И.И., Юлбаев Р.З., 2024

Аннотация

В статье описываются возможности цифрового повествования в дискурсивном пространстве диспозиции критического мышления в поле гражданской идентичности молодежи с помощью рандомизированного контрольного исследования. Цель исследования – разработка и реализация проекта цифрового повествования, основанного на диалогическо-дискурсивной ориентации критического мышления с учетом этно-региональных особенностей социального развития молодежи для решения задач развития их гражданской идентичности. Республика Башкортостан является одной из самых многонациональных республик, на территории которой сегодня проживает более ста национальностей. Это накладывает свой отпечаток на специфику развития региональной культуры, в том числе электоральной. Особенностью Башкортостана является рост религиозного сектора, распространение новых религиозных движений, трансформация политических взглядов и убеждений, что является предпосылкой идентификации, отождествления граждан с той или иной социальной группой. *Методология исследования:* в рамках социологического эксперимента респонденты, представители поколения Z, проживающие в г. Уфа (Башкортостан), были рандомизированы в интервенционную и контрольную группы, в которых они создавали свои цифровые фотоистории. Межличностные диалогические дискурсы, поддерживаемые цифровыми медиа, открыли новые возможности формирования гражданской идентичности молодежи в дискурсивном пространстве критического мышления с помощью технологии цифрового повествования. *Основные выводы по работе:* исследовано, в какой степени цифровой нарратив может оказывать воздействие на гражданскую идентичность молодежи на примере поколения Z. Цифровое повествование представлено как практическая модель для производства цифровых медиа с целью развития критического мышления в пространстве гражданской идентичности молодежи. По итогам рандомизированного эксперимента среди участников интервенционной группы отмечается снижение их этноцентрических взглядов и повышение гражданской активности, что позволило им свободнее конструировать свою гражданскую идентичность. Участники контрольной группы остались на высоком уровне когнитивной закрытости.

Ключевые слова:

цифровое повествование (нарратив), гражданская идентичность молодежи, цифровые медиа, диалогический дискурс, диспозиция критического мышления, этническая идентичность региона

Источники финансирования:

статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», стратегический проект «Новая среда жизни», проект «Социогуманитарное конструирование будущего: мегаполис для поколения Z (цифровой сервис-технология “Mega-Z”)) на базе созданной в УГНТУ

цифровой междисциплинарной лаборатории конструирования будущего Digital Future. Регистрационный номер НИОКТР 123050400001-6.

UDC 316.454.3 I.I.

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_4_177

CRITICAL THINKING IN CIVIC ENGAGEMENT OF GENERATION Z: RANDOMIZED CONTROL TRIAL (USING THE EXAMPLE OF THE CITY OF UFA, REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Irida I. Enikeeva,

Institute of Business Ecosystems and Creative Industries
Ufa State Oil Company Technical University,
Ufa, Russia,
zekrist@mail.ru

Radik Z. Yulbaev,

Scientific Research Center for Spiritual Development
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully,
Ufa, Russia,
yulbayev@mail.ru

Received 24.01.2024.

Revised 06.06.2024.

Accepted 05.11.2024.

For citation: Enikeeva, I.I., Yulbaev, R.Z. (2024). Critical Thinking and Civic Engagement Among Generation Z: A Randomized Control Trial in the City of Ufa, Republic of Bashkortostan (Russian Federation). *Discourse-P*, 21(4), 177–201. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_177

Abstract

The article describes the potential digital storytelling within the discursive framework of fostering critical thinking among youth, specifically focusing on civic identity development. The study aims to design and implement a digital storytelling project grounded in a dialogic-discursive approach to critical thinking, considering the ethno-regional charac-

teristics of youth social development to address challenges in shaping their civic identity. The Republic of Bashkortostan, known for its multicultural landscape with over a hundred nationalities, influences the unique development of regional culture, including electoral culture. Notable, the rise of the religious sector and the emergence of new religious movements have transformed political beliefs which affects how citizens identify with various social groups. The study employed a sociological experiment involving Generation Z respondents from the city of Ufa (Republic of Bashkortostan, Russian Federation). Participants were randomly assigned to intervention and control groups, where they created their digital photo stories. The incorporation of interpersonal dialogic discourses, supported by digital media, provided new opportunities for cultivating youth citizenship within the context of critical thinking through digital storytelling technology. The findings of the study explore how digital narratives can influence youth civic identity development among Generation Z. Digital storytelling serves as a practical model for digital production aimed at enhancing critical thinking within the realm of civic identity. Results from the randomized experiment indicated that participants in the intervention group exhibited decreased ethnocentrism and increased civic engagement, allowing for a more fluid construction of their civic identity. In contrast, participants in the control group showed persistent cognitive closure.

Keywords:

digital storytelling (narrative), civic identity of youth, digital media, dialogic discourse, disposition of critical thinking, ethnic identity of the region

Введение

Цифровое повествование – это практика повествования, нарратива, реализуемого в цифровом формате, включая изображения, тексты, звуки и другие элементы. *Digital Storytelling* – «естественное развитие традиции устного творчества на новом этапе; можно сказать, что устное творчество плюс технология равняется *Digital Storytelling*»¹.

С. Морра предлагает рассматривать *Digital Storytelling* как искусство рассказывать истории в XXI веке: цифровые технологии дали возможность каждому рассказать свою историю и поделиться ею со всем миром². Под этим углом зрения *Digital Storytelling* трактуется как личный нарратив в цифровом формате, размещенный в интернете³. Сегодня цифровое повествование или цифровой

¹ What is Digital Storytelling? *Educational Uses of Digital Storytelling*. Retrieved July 5, 2024, from <http://digitalstorytelling.coe.uh.edu/page.cfm?id=27>

² Morra, S. (2013, May 30). *8 Steps to Great Digital Storytelling*. Retrieved July 5, 2024, from <http://edtechteacher.org/8-steps-to-great-digital-storytelling-from-samantha-on-edudemic/>

³ Barret, H. (2006). *Researching and Evaluating Digital Storytelling as a Deep Learning Tool*. Retrieved July 5, 2024, from <https://www.semanticscholar.org/paper/Researching-and-Evaluating-Digital-Storytelling-as-Barrett/f8dd883b115173ab4acdce123f302ac89bbd900>

нарратив становится все более популярным, в особенности среди молодежи из числа представителей поколения Z, в образовании как комбинированное обучающее средство, которое синтезирует в себе визуальную, образную, музыкальную и словесную составляющие, в социальных услугах и даже в коммерческих секторах, таких как туризм, гостиничный бизнес и др.

Настоящее исследование использует такой подход к пониманию цифрового повествования, в котором *Digital Storytelling* представлено как практическая модель для производства цифровых медиа с целью развития критического мышления в пространстве гражданской идентичности молодежи. В этом отношении, наиболее продуктивным примером подобного исследования явился опыт работы с молодыми людьми из Гонконга (Chan, 2019). Данные практики обычно используют социальную конструктивистскую или нарративную перспективу для понимания себя и социальной реальности, и идентификации себя в них. Сегодня общепринятым является то, что человеческий опыт – это не просто факты, а история, в которых события отбираются и запечатлеваются для определенной аудитории (Маняйкина, Надточева, 2015).

Общая цель эксперимента предполагает вмешательство в естественный ход событий с тем, чтобы сконструировать ситуацию, позволяющую проверить теорию. Часто такая теория затрагивает вопросы причинно-следственных связей между отдельными переменными. Таким образом, одним из наиболее распространенных предполагаемых результатов вмешательства является диспозиционная способность, которую обычно называют критическим мышлением (КТ) – «склонность и навыки реализации умственной деятельности с рефлексивным скептицизмом, сосредоточенным на принятии решения, исходя из разных точек зрения» (Ennis, 1993).

Сформированность критического мышления является ключевым фактором, способствующим развитию различных сильных сторон, таких как, эффективное обучение, что важно для развития гражданской идентичности. Сегодня имеется достаточно широкое многообразие определений критического мышления, но большинство из них включает когнитивный критерий, а также социальное поведение личности в зависимости от состояний ее готовности к определенному способу действий (Якунина, 2019).

Когнитивный критерий включает в себя такие показатели, как уровень аналитического мышления, умения делать выводы, обобщать данные. Социальное поведение личности в зависимости от состояний ее готовности к определенному способу действий характеризуется использованием различных источников информации, гибкости в оценке тех или иных событий, широтой взглядов и беспристрастием. Когнитивное измерение включает в себя такие черты, как аналитические способности, аргументация и умение делать выводы. Диспозиционное измерение включает в себя такие черты, как привычка использовать различные источники информации, рефлексивная открытость и непредубежденность (Bailin et al., 1999; Facione, et al., 2000). Более того, нарративные практики адаптируют существующие методы консультирования, чтобы обеспечить рефлексивный внутриличностный и межличностный диалог

(Нестерова, 2022). Например, техника рефлексивного слушания из нарративной практики (White, 2007) предполагает, что история содержит два основных поля: поле действия и поле идентичности.

Тема исследования – гражданская идентичность. Поле идентичности относится к последовательности конкретных событий в рамках сюжета. Поле идентичности относится к отождествлению главного героя с полем действия. Экспериментаторы могут задавать вопросы о событиях, обстоятельствах, последовательности, времени и сюжетах на основе поля действия; они также могут задавать другие вопросы, чтобы выявить ценности, убеждения, стремления и обязательства на основе поля идентичности.

Отношения между этими двумя полями способны создать рефлексивную диалогическую структуру дискурсивной формы понимания, которая может или укрепить позицию индивида, или, напротив, разрушить ее. Данный факт объясняется тем, что некоторые события, которые потеряли свою значимость при определенных обстоятельствах могут быть снова актуализированы. Кроме того, цифровые медиа предлагают совершенно иные коммуникативные возможности, которые не могут быть использованы во время практики рефлексивного слушания или межличностного диалогического дискурса. Например, участники могут постоянно пересматривать и менять приоритеты своих выражений, использовать Интернет для сбора идей и информации для поддержки производства, обмениваться ресурсами онлайн между другими участниками группы, загружать медиаматериалы для поддержки производства, распространять истории и собирать отзывы через социальные сети (Young, 2019).

В настоящее время гражданская идентичность является весьма актуальным и сложным вопросом. Республика Башкортостан активно участвует в реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»⁴. Перед органами государственной власти Башкортостана стоит основная задача – поддержание баланса между процессами межэтнической интеграции, укрепления общегражданской идентичности и сохранения национально-культурной самобытности народов республики.

Социологический анализ идентичности актуален для диагностики положительных и отрицательных тенденций, профилактики развития межэтнических конфликтов, ксенофобии и экстремизма. Распространенность групповой идентичности среди населения, ее содержание (гражданско-государственное, этническое, религиозное, культурное, национальное), характер (его позитивная или негативная направленность) говорят и о целостности государства с точки зрения восприятия его гражданами страны, и об уровне согласия в обществе (Дробижева, 2013). Отметим, что такие термины, как этническая/культурная/ национальная/гражданская идентичность, используются взаимозаменяемо, а их границы размыты, что не может не отражаться на гражданском сознании молодежи, в особенности, из числа представителей поколения Z.

⁴ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Возникает исследовательский вопрос, может ли гражданская идентичность в настоящее время действительно соответствовать жизненному опыту большинства молодых людей, которые проживают на территории Башкортостана? Как известно, многие молодые люди идентифицируют себя с широким спектром символов культурной и этнической идентичности. По мнению исследователей в силу того, что Республика Башкортостан является одним из самых полиэтничных регионов России, актуализация социальной идентичности происходит в условиях противопоставления «мы» – «они». Именно поэтому в многонациональных регионах этническая идентичность выражена, как правило, сильнее, чем в мононациональных (Шайхисламов и др., 2015).

Призыв к чистой национальной идентичности иногда может быть опасным, поскольку он может легко стать призывом к воображаемому идеализированному эссенциализму. Так, в широком смысле этот термин определяется как не допускающий другие точки зрения, считающий свои собственные взгляды исключительными, не допускающий возможности различий и желающий навязать эту точку зрения другим любыми средствами, которые сочтут необходимыми. В этом смысле, риторика ненависти, моральный фундаментализм, культы, крайний национализм попадают куда-то в этот спектр. В контексте гражданского образования некоторые ученые предполагают, что наиболее эффективно принять более гибридную (смешанную) идентичность. Люди могут исследовать и признавать множественность, заложенную в их собственной идентичности. Например, человек может быть одновременно башкиром/кой, россиянином/кой, мужчиной / женщиной, музыкантом, нефтяником, педагогом и т. д.

На этом фоне представленный здесь проект был призван дать возможность молодым участникам рассказать о собственной гражданской идентичности. Проект был направлен на то, чтобы смягчить диспозиции критического мышления в поле гражданской активности молодежи.

Цифровое повествование – это практика повествования, нарратива, реализуемого в цифровом формате, включая изображения, тексты, звуки и другие элементы. В этом исследовании был специально разработан проект цифрового повествования, основанный на диалогическо-дискурсивной ориентации, и исследовано, в какой степени он может способствовать критическому и рефлексивному мышлению молодых людей в социальном пространстве гражданской идентичности. В данном исследовании рассматривается эффективность использования цифрового повествования для смягчения диспозиции критического мышления в поле гражданской активности молодежи из числа представителей поколения Z с помощью рандомизированного контрольного исследования. Поколение Z – это современное поколение молодых людей, которые родились после 1999 года, обладающее набором специфических социальных характеристик, ориентированные, прежде всего, на цифровые формы социализации и гражданской активности.

В данном исследовании рассматривается эффективность использования цифрового повествования для смягчения диспозиции критического мышления в поле гражданской идентичности молодежи с помощью рандомизированного контрольного исследования.

Процедура экспериментального исследования

Выборка и организация эксперимента

Используя феномен гражданской идентичности в качестве темы исследования, было проведено рандомизированное контрольное исследование в период с июня 2023 г. – по август 2023 г. Вероятностную выборку исследования составили молодые люди, в возрасте от 16 до 24 лет ($N = 142$), проживающие в г. Уфа (Башкортостан), большей частью являющиеся студентами Уфимского государственного нефтяного технического университета и Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Участники были рандомизированы в интервенционную группу, которая подвергалась вмешательствам и контрольную группу, которая не получила вмешательства. Все участники эксперимента делились фотографиями в социальных сетях, общались онлайн и оффлайн с экспериментаторами и создавали свои цифровые фотоистории. Методологическое и структурное наполнение данного исследования стало возможным благодаря имеющемуся международному опыту в работе с молодежью (Chan, 2019; Mennies et al., 2021).

Выборкой эксперимента стали молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, которые были выбраны из общей обучающейся массы в течении 2 месяцев. Всего было выбрано 142 человека. Участники были приглашены присоединиться к группе в социальных сетях. Поскольку это была закрытая группа, участники должны были быть одобрены координаторами проекта, прежде чем они могли присоединиться к проектной группе. Только текущие участники могли видеть список участников в группе и просматривать, кто в ней публиковался.

В качестве социальной сети был выбран Телеграм-канал. Настройки контроля доступа Телеграм-канала позволили исследователям создать закрытую группу. Темой исследования стала гражданская идентичность молодых людей, проживающих на территории города Уфы.

Изучение фото-нарративов

В проекте был использован жанр фотоистории. Каждый участник делился фотографиями с подписью в течение двух недель в Телеграм-канале (на рисунке 1 приведен пример фото-истории с подписями). Исследователи работали в командах и общались с отдельными участниками, используя методы повторного редактирования разговора, то есть, они целенаправленно давали участникам возможность переключаться от абстрактной концептуализации к конкретным событиям. В конце каждой недели участнику, получившему наибольшее количество реакций в виде лайков и комментариев, была предложена символическая награда.

После четырех недель таких онлайн-взаимодействий участники проводили личную либо коллективную презентацию с одним из фасилитаторов. На этой презентации участник предоставлял все фотографии, размещенные им в Телеграм-канале, затем выбирал пять фотоисторий в соответствии с при-

Рисунок 1 – В Уфе можно найти места с уникальной башкирской кухней (фотоподборка на основании опроса)

Figure 1 – In Ufa you can find places with unique Bashkir cuisine (photo selection based on a survey)

оритетами. Свои решения по выбору и расстановке приоритетов на выбранные фотоистории участник комментировал устно и самостоятельно.

Создание медиаконтента и распространение его среди более широкой аудитории

Цифровые фотоистории могли быть опубликованы в Интернете, в зависимости как от желания участника, так и от качества фотоистории. Всем тем, кто завершил проект, были предложены награды, а те истории, которые получили широкий отклик были отмечены дополнительно – участники получали вознаграждение для дальнейшего совершенствования своих цифровых фотоисторий. Участники знали, что выбранные истории могут быть опубликованы на веб-сайте факультета, и что преподаватели и обучающиеся могут использовать эти истории в обучении и преподавании.

Методы

Рандомизированное контролируемое исследование является одним из самых надежных форм научных доказательств в социальных исследованиях. Тем не менее, обзор литературы по цифровому повествованию не содержит эмпирических доказательств исследований рандомизированного контролируемого исследования. В рандомизированном контролируемом исследовании участники эксперимента случайным образом распределяются либо в группу с исследуемым вмешательством, либо в группу без него. Хотя рандомизированное контролируемое иссле-

дование имеет свои собственные ограничения (например, оно может неадекватно решать проблему неоднородности среди населения), оно позволяет получить эмпирические данные, которые не могут быть легко получены другими проектами.

Схема рабочего процесса рандомизированного контролируемого исследования представлена на рисунке 2.

Рисунок 2 – Схема рабочего процесса исследования
Figure 2 – Study Workflow Diagram

Участники рандомизированного контролируемого исследования

Эксперимент был направлен на привлечение 80–150 молодых людей, проживающих на территории Уфы (Башкортостан) на постоянной основе в период с июня 2023 г. – по август 2023 г. через Интернет. Участники должны были дать согласие на участие в экспериментальном исследовании. Они были случайным образом распределены либо в группу вмешательства, либо в контрольную группу. Поскольку зачисление проходило случайно в течение двух месяцев, участники также были рандомизированы на постоянной основе.

Стратифицированная заблокированная рандомизация использовалась и проводилась аспирантом через компьютеризированный процесс. Эта стратегия использовалась для того, чтобы избежать диспропорций в количестве субъектов в гендерном распределении. Каждый раз, когда в исследование добавлялись два или четыре новых участника, проводилась рандомизация. Равное количество участников (то есть, четное количество молодых людей) способно гарантировать, что и в контрольной, и в интервенционной группах будут своевременно выполняться групповые задания сразу после того, как небольшое количество участников будет включено в эксперимент.

Вмешательство

Эксперимент состоял из трех этапов (рисунок 2).

Координация в экспериментальной работе была реализована по следующим направлениям:

а) обучение: аспирант и три студента-помощника работали в качестве фасилитаторов; все прошли обучение методам беседы, основанным на практике рефлексивного диалога;

б) контроль: команда исследователей собиралась еженедельно в ходе экспериментального исследования, чтобы следить за динамикой и проверять, все ли тексты соответствовали протоколам беседы на основе доступных текстовых материалов (например, ответы в группе Телеграм, стенограммы офлайн-презентаций);

с) инструкция: определенный набор навыков ведения дискурса, основанных на повествовательной практике, подчеркивался и использовался на протяжении всего проекта.

Сбор данных

Участники как группы вмешательства, так и контрольной группы участвовали в двух этапах тестирования. На этапе первичного тестирования (T1), который проводился сразу после подтверждения зачисления в экспериментальную группу, участники самостоятельно заполняли онлайн-анкету. На втором этапе тестирования (T2), который проводился через четыре недели после первичного тестирования, участники заполняли ту же онлайн-анкету.

Отдельные данные были собраны во время онлайн-зачисления перед первичным тестированием по следующим показателям: пол, возраст, уровень образования. Также были проведены устные беседы с участниками.

Методики экспериментального исследования

Уровень развития критического мышления измерялся посредством методологии *Evidence-Centered Design*. Она позволяет выстроить цепочку аргументов, обосновывающих вывод об уровне развития критического мышления у респондента, и, тем самым, обеспечить справедливость процесса оценки. Высокие баллы респондентов указывают на высокий уровень развития критического мышления участников эксперимента.

Уровень самооценки измерялся по шкале самооценки Розенберга (Rosenberg, 1965). Шкала самооценки Розенберга – это мера самооценки, широко используемая в социальных исследованиях. В ней используется шкала от 0 до 30 баллов, где балл менее 15 может указывать на проблемную низкую самооценку. Шкала RSES разработана аналогично анкетам социальных исследований. Высокие баллы по шкале самооценки респондентов указывают на высокий уровень развития самооценки участников эксперимента.

Диагностику потребности в когнитивном закрытии мы выявляли с помощью методики *Need for Closure Scale (NFC)* Roets, A. & Van Hiel, A⁵. Уровень когнитивной закрытости представляют: толерантность к неопределенности, ориентация на определенность, стремление к простой когнитивной структуре, догматизм, фундаментализм, ригидность мышления.

Высокий показатель когнитивной закрытости указывал на более сильный уровень когнитивной закрытости у участников эксперимента.

Уровень этнической идентичности измерялся по шкале оценки социальной установки, соответствующую типу шкал Лайкерта и оценивающую установку по отношению к собственной этнической идентичности (Likert, 1932). Участники экспериментальных групп должны были ответить на следующие вопросы-утверждения: «Людей из разных этнических групп можно четко узнать по физическим признакам». Более высокий балл подразумевал высокий уровень этнической идентичности.

Этноцентрические взгляды участников измерялись утверждением: «Большинство других культур отстали по сравнению с моей культурой». Данное утверждение было взято из контекстуальной циклической модели Джеймса У. Нейлипа для изучения коммуникации в рамках культурных, микрокультурных, экологических, социально-реляционных, перцептивных контекстов, а также вербальных и невербальных кодов (Neuliep, 2002). Точно так же более высокий балл подразумевал более высокий уровень этноцентризма.

В-третьих, уровни согласия участников с различными идентичностями измерялись с помощью четырех пунктов вопросов, адаптированных из исследования этнической идентичности молодых людей, проживающих на территории города Уфы (Республика Башкортостан). В этом исследовании измеренными идентичностями являются: этническая, региональная и глобальная гражданская. Более высокие баллы указывали на более высокий уровень согласия.

Результаты ответов по всем шкалам были скорректированы до 10 баллов, где 1 = совершенно не согласен, а 10 = полностью согласен. Они были скорректированы, чтобы соответствовать системе отсчета участников и, следовательно, повысить валидность полученных результатов исследования. Поскольку целевыми участниками были молодые люди, то они были знакомы с системами оценивания по рейтинговой системе, где: 90–100% – отлично, 75–89% – хорошо; 50–74% – удовлетворительно; 49% и ниже – неудовлетворительно. Поэтому предполагалось, что 10-балльная шкала будет больше соответствовать предыдущему опыту обучающихся, чем другие диапазоны числовых шкал. Все шкалы, измеряющие психометрические свойства, показали надежность повторного тестирования от хорошей до отличной

($N = 44$): СТД, $r = 0,84$; НФК, $r = 0,90$; СЭ, $r = 0,92$; $p < 0,01$.

Вопросы, измеряющие взгляды участников на идентичность, также продемонстрировали надежность результатов повторного тестирования: $r > 0,90$; $p < 0,01$.

⁵ Модификация Ситяевой С.М., Яремчук С.В. в монографии: Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2019. – 166 с. ISBN 978-5-85094-653-1.

Гипотезы рандомизированного контролируемого исследования

Практика цифрового повествования для облегчения диспозиции критического мышления в гражданской идентичности молодежи. Таким образом, были сформулированы три основные гипотезы:

Гипотеза 1 – показатели уровня самооценки увеличатся с T1 до T2;

Гипотеза 2 – показатели склонности к критическому мышлению увеличатся с T1 до T2;

Гипотеза 3 – показатели потребности в когнитивном закрытии снизятся с T1 до T2.

В экспериментальном исследовании, которое представлено в этой статье, использовалась исследовательская тема, касающаяся гражданской идентичности молодых людей, проживающих на территории города Уфы (Башкортостан). Предполагалось, что участники группы вмешательства будут лучше осведомлены о различных культурных ценностях, и ожидалось, что после завершения своих цифровых историй уровень их этноцентризма снизится. На основе этого были сформулированы две направленные гипотезы:

Гипотеза 4 – баллы по пункту, которые отражают степень этнической установки в идентичности («Люди разных этнических групп должны быть четко узнаваемы по физическим признакам»), будут уменьшаться от T1 до T2;

Гипотеза 5 – Баллы по пункту, отражающему этноцентрический взгляд («Большинство других культур отстали по сравнению с моей культурой»), снизятся с T1 до T2.

В этом экспериментальном исследовании предполагалось, что будут зафиксированы изменения (независимо от направления) в уровнях согласия участников вмешательства с различными идентичностями. На основании этого была выдвинута гипотеза:

Гипотеза 6 – Уровни согласия хотя бы с одной из четырех идентичностей (четыре независимых вопроса) изменятся с T1 на T2.

Анализ данных

Для оценки результатов вмешательства были проанализированы результаты группы вмешательства и контрольной группы. Различия в показателях между двумя группами оценивались с помощью критерия хи-квадрата.

Различия в исходных показателях участников между двумя группами оценивались с помощью двухвыборочных t-тестов. Внутригрупповые первичные и вторичные различия в каждой группе оценивали с помощью парных t-тестов. Анализы проводились с использованием MS Excel, а также статистического пакета PSPP для социальных наук.

Результаты

Первоначально в программе зарегистрировалось 142 участника.

После начала программы по объективным причинам (отсутствие интереса и недостаточность времени) выбыли 44 человека (28 из группы вмешательства и 16 из контрольной группы). Существенной разницы между группой участников, которые принимали участие в исследовании, и выбывших из него по полу ($\chi^2 = 0,14$, $p = 0,69$), уровню образования ($\chi^2 = 9,01$, $p = 0,11$) и профессиональной области ($\chi^2 = 10,77$, $p = 0,05$).

Средний возраст группы участников составил 20,04 лет, а средний возраст группы выбывших – 20,6 лет. Это незначительное различие было статистически значимым ($t(119) = -2,06$, $p = 0,03$), но им можно было пренебречь, поскольку они обоснованно представляют молодых людей одного возраста.

В целом эти социально-демографические профили показали, что те, кто выбыл из исследования, были сопоставимы с теми, кто остался в исследовании. Такой высокий уровень отсева обусловлен простотой онлайн-регистрации: участники могли легко зарегистрироваться онлайн без серьезного рассмотрения и позже могли обнаружить, что проект не соответствует их интересам после первых нескольких дней. Метод онлайн-зачисления, который был использован в экспериментальном исследовании, значительно повысил эффективность набора испытуемых. В итоге, 98 участников завершили исследование. Все участники, завершившие исследование, были в возрасте от 16 до 24 лет, 61 женского пола и 37 мужского пола.

Таким образом, не было существенной разницы между интервенционной и контрольной группами по полу, уровню образования, предметной области или возрасту (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Различия в выбранных социально-демографических характеристиках между интервенционной группой ($n_1=41$) и контрольной группой ($n_2=57$)

Table 1 – Differences in Selected Sociodemographic Characteristics Between Intervention Group ($n_1=41$) and Control Group ($n_2=57$)

Социально-демографический профиль		Результаты группывмешательства	Результаты контрольной группы	Результаты
		n (%)	n (%)	
Пол	Женский	27 (65,83)	34 (59,6)	$\chi^2(1) = 0,14$, $p = 0,71$
	Мужской	14 (34,14)	23 (43,35)	
Уровень образования	Степень магистра	17 (41,45)	19 (33,33)	$\chi^2(5) = 2,22$, $p = 0,82$
	Степень бакалавра	5 (12,19)	10 (17,54)	
	Среднее профессиональное	14 (34,14)	15 (23,31)	
	Незаконченное высшее	3 (7,31)	8 (14,03)	
	Средняя школа	1 (2,43)	0 (0)	
	Нет данных	1 (2,43)	5 (8,77)	

Социально-демографический профиль		Результаты группывмешательства	Результаты контрольной группы	Результаты
		n (%)	n (%)	
Предметная область	Туризм и гостиничный и ресторанный сервис	7 (17,07)	9 (26,31)	$\chi^2(5) = 3,37$, $p = 0,64$
	Проектный менеджмент и экономика	9 (21,95)	5 (8,77)	
	Международные отношения	13 (31,70)	18 (31,57)	
	История и право	2 (4,87)	11 (19,28)	
	Обществознание	10 (24,39)	14 (24,56)	
	Нет данных	27 (65,83)	34 (59,6)	
Возраст		20,6 (1,47)	19,78 (1,77)	$t(85) = 1,07$, $p = 0,28$

Также не было существенной разницы в исходных показателях между двумя группами (см. таблицу 2). Однородность обеих групп служит основанием для проведения внутригрупповых и/или межгрупповых сравнений после вмешательства.

Вывод 1. Уровень самооценки в группе вмешательства увеличился (+0,49, $p < 0,01$, $d = 73$), в то время как уровень самооценки контрольной группы не указывал на значительные изменения. Динамика результатов показателей самооценки показала наибольший прирост среди других измеряемых показателей.

Вывод 2. Уровень развития критического мышления в группе вмешательства увеличился (+0,33, $p = 0,02$, $d = 40$), в то время как уровень развития критического мышления контрольной группы не указывал на значительные изменения. Этот вывод свидетельствует о том, что участники группы вмешательства стали лучше осведомлены о различных источниках информации.

Вывод 3. Уровень склонности к когнитивной закрытости в группе вмешательства не снизились, как прогнозировалось, в то время как уровень склонности к когнитивной закрытости контрольной группы значительно увеличился (+0,32, $p = 0,01$, $d = 47$).

Вывод 4. В группе вмешательства показатели, отражающие уровень этнической установки к идентичности, снизились (-0,81, $p = 0,05$, $d = -34$), в то время как показатели контрольной группы остались без изменений.

Вывод 5. В интервенционной группе показатели, отражающие уровень этноцентризма, значительно снизились (-0,76, $p = 0,03$, $d = -37$), в то время как уровень этноцентризма в контрольной группе значительно возросла (+0,55, $p = 0,02$, $d = 33$).

Таблица 2 – Различия в исходных показателях между группой вмешательства (n1 = 36) и контрольной группой (n2 = 57)

Table 2 – Differences in baseline scores between intervention group (n1 = 36) and control group (n2 = 57)

Показатель	Результаты группы вмешательства	Результаты контрольной группы	M-различия	t-независимый	p
	M (SD)	M (SD)			
Склонность к когнитивной закрытости	6,14 (1,05)	6,40 (1,34)	-0,26	-0,97	0,32
Склонность к критическому мышлению	7,26 (1,12)	7,21 (1,04)	0,05	0,18	0,87
Уровень самооценки	5,80 (1,47)	5,48 (1,56)	0,31	0,93	0,36
Этническая установка	4,96 (2,33)	4,72 (2,34)	0,25	0,47	0,62
Этноцентрический взгляд	4,16 (1,83)	3,74 (1,84)	0,42	1,04	0,31
Гражданская идентичность	9,10 (1,13)	9,26 (1,45)	-0,16	-0,57	0,59
Региональная идентичность	5,35 (2,69)	5,93 (2,86)	-0,59	-0,96	0,33
Культурная идентичность	8,80 (1,64)	8,97 (1,41)	-0,17	-0,52	0,59
Этническая идентичность	8,32 (2,06)	8,40 (2,06)	-0,18	-0,18	0,88

Таким образом, участники, которые не участвовали в программе, со временем стали более этноцентричными.

Вывод 6. У участников группы вмешательства наблюдается динамика в степени отождествления с тремя из четырех идентичностей, в то время как у участников контрольной группы показатели остались на прежнем уровне.

В группе вмешательства степень принадлежности участников с общей гражданской идентичности увеличились (+0,64, $p < 0,05$, $d = 0,41$), их уровни согласия с региональной идентичностью снизились (-0,62, $p = 0,02$, $d = -0,43$).

Уровни согласия с тем, что они являются носителями этнической идентичности, также снизились ($-0,63$, $p = 0,05$, $d = -0,34$).

Обсуждение

Полученные результаты подтвердили верность гипотезы рандомизированного контролируемого исследования, что указывает на потенциальную эффективность практики цифрового повествования для облегчения диспозиции критического мышления в гражданской идентичности молодежи. Ниже опишем, каким именно образом цифровое повествование оказало влияние на получение данных результатов.

Как уже было отмечено в начале этой статьи, критическое мышление включает в себя когнитивный критерий, а также социальное поведение личности в зависимости от состояний ее готовности к определенному способу действий. В этом случае, развитие критического мышления может рассматриваться только на когнитивном уровне. Например, некоторые коллективные действия повышают внутригрупповой фаворитизм, что приводит к преимуществам определенных поведенческих черт и к предубеждениям (или даже враждебности) по отношению к идеям, которых придерживаются иные группы. Внутригрупповой фаворитизм часто является предпосылкой возникновения конфликтов, но одновременно выполняет необходимую для группы функцию создания или поддержания позитивной групповой идентичности.

Недавние исследования выявили так называемый «эффект эхо-камеры». Данное явление породила цифровая эпоха и социальные сети, посредством которых люди регулярно делятся своими цифровыми рассказами, фотоисториями и получают информацию. Создание цифровых рассказов о личном опыте, истории своей семьи, о своем родном крае и т. п. представляет собой, по сути, передачу «общечеловеческого» опыта. Данный социальный феномен демонстрирует, какое значение могут иметь голоса отдельных людей для реализации позитивных изменений в обществе (Горохова, 2016).

Рассказы других людей позволяют нам увидеть себя в зеркале, обнаружить, что мы не одиноки, и в то же время узнать больше о тех ситуациях и обстоятельствах, которых мы никогда не переживали сами. Цифровые рассказы в открытом доступе формируют когнитивную закрытость, позволяя сохранять у индивида наиболее устойчивые и неизменные убеждения, не подвергаемые сомнению. Между тем, проект цифрового повествования, основанный на диалогической ориентации, способен оказывать воздействие на гражданскую активность молодежи с позиции формирования конструктивного критического мышления, повышающего уровень толерантности к неопределенности, позволяющей принять и понять отличие и непохожесть чужих субъектов общности, развивать гражданскую идентичность через отождествление себя к общим для социума социальным ценностям и целям.

Контекст диалога, предполагаемая аудитория и открытая культура

Проект цифрового повествования предполагает, что можно использовать цифровые средства связи для установления определенного контекста диалога. В данном эксперименте в качестве контекста выступало интернет-сообщество, организация контроля доступа, через создание закрытой группы в социальных сетях Телеграм-канала, которая поддерживала среду, демонстрирующую различные ценности и идентичность.

Для современного Башкортостана региональная и этническая идентичности являются весомым фактором их самоидентификации. Важность региональной идентичности определяется той эмоционально-ценностной оценкой, которая придается ими своей принадлежности к республике, особенно национально-территориальному статусу региона.

Реализация данного проекта предоставила объективную социальную сеть для совмещения гражданской (государственной) и этнической идентичности. В онлайн-группе поддерживалась атмосфера открытости. Таким образом, участников не призывали занять чью-либо сторону, и большинство отметило, что им понравился весь процесс. Некоторые результаты программы косвенно отражали такую направленность. Например, участники группы вмешательства, как правило, рассматривали различные источники информации (см. Вывод 2) и не были когнитивные закрытыми (см. Вывод 3). Полученные результаты указывают на то, что участники интервенционной группы способны воспринимать различные точки зрения после создания и представления своих цифровых историй. Более того, участники в целом продемонстрировали высокую отдачу от проекта цифрового повествования. Диагностика уровня самооценки показала самую большую динамику в показателях, а это означает, что участники в целом имели очень положительную самооценку по завершении проекта. Это также подразумевало, что участники должны иметь положительный опыт участия в проекте.

Часть участников решили оставить свои цифровые сообщения доступными для группы, а другая часть – решили остаться в качестве участников группы. Эти наблюдения перекликаются с недавними исследованиями, в которых в целом отмечалось, что предполагаемая аудитория может существенно влиять на самовыражение пользователей социальных сетей в Интернете.

В сторителлинге рассказчики создают контекст общения через вопросы и обращения к своим читателям (подписчикам). Поскольку коммуникативный аспект цифрового повествования не может быть нейтральным, то рассказчику необходимо предварительно определить цель и контент.

*Межличностные диалогические дискурсы,
поддерживаемые цифровыми медиа*

Цифровое повествование подразумевает, что можно использовать цифровые средства связи для развития рефлексии посредством цифрового общения. Так, после завершения эксперимента представители поколения Z были более склонны

к размышлениям, поскольку они больше знали о своих сильных сторонах (см. Вывод 1) и больше знали о различных источниках информации (см. Вывод 2).

Поскольку исследование проводилось на территории Башкортостана, особенности данного региона оказывали влияние на формирование общегражданской идентичности в силу уже сложившейся этнической и региональной идентичности, которая транслировалась высоким уровнем когнитивной закрытости группы. Поэтому закономерно, что показатель когнитивной закрытости в контрольной группе значительно увеличился при средней величине эффекта (+0,32, $p = 0,001$, $d = 0,47$), а показатель когнитивной закрытости в группе вмешательства существенно не изменился (см. Вывод 3).

Цифровое повествование было реализовано в социальных сетях: цифровые истории были визуализированы и легко извлекались, что позволяло участникам постоянно пересматривать свои фото, подписи к ним, добавлять новые фотоистории. Такая деятельность способствовала переоценке и уточнению своих первоначальных взглядов. Как отмечалось ранее, основным жанром, применяемым в практике цифрового повествования, было повторное создание фотоисторий, которое позволяло облегчить диспозиции критического мышления в гражданской активности молодежи в соответствии с полем действия и полем идентичности.

В этом исследовании извлекаемые диалоги и фотографии с подписями помогли фасилитаторам (и самим участникам эксперимента) переосмысливать фотоистории и рефлексировать. Кроме того, цифровые истории в социальных сетях были асинхронными. Данный факт позволял фасилитаторам использовать временные промежутки, чтобы задавать больше вопросов для размышлений, и предоставлять участникам больше фактической информации. Были случаи, когда такие беседы помогали участникам лучше узнать о тех примерах, когда культурное слияние и этническое смешение выходили за рамки этнокультурных символов, встроенных в некоторые из их постов.

Например: фотографии памятников Уфы, среди которых памятник Салавату Юлаеву, которые стал не только главной городской достопримечательностью, но и символом всей Башкирии; архитектурно-скульптурный комплекс – памятник Герою России, генерал-майору Минигали Шаймуратову на Советской площади. Или фотография памятника Михаила Нагого как основателя Уфы. Но здесь существует большая проблема. Среди историков нет однозначного мнения, кого можно считать основателем города. Вот цитата из книги «История Уфы» издания 1976 года:

«Начиная с Рычкова, все исследователи считали основателем и первым воеводой Уфы Ивана Нагого. Это утверждение основано на народной легенде. Между тем, в разрядных книгах первым уфимским воеводой указан Михаил Александрович Нагой»⁶.

⁶ Справочная книга г. Уфы с приложением плана / составлена чинами Уфимской городской полиции. – 3-е изд. – Уфа : Электр. тип. Уф. Гор. Пол., [1913]. – VIII, 259.

К примеру, фотография-коллаж показала продукты разных культур, которые можно найти в Башкортостане, который позиционируется как дом, объединяющий разные культуры. Эти асинхронные временные промежутки позволили фасилитаторам тонко раскрыть историю гибридности города и формировать представления об общегражданской идентичности, независимо от того, является ли эта идентичность этнической или региональной. Эти наблюдения перекликаются с недавними исследованиями, предполагающими, что общение в социальных сетях может быть целенаправленно использовано для достижения определенных эффектов, таких как предоставление пользователям возможности быть более активными и формировать собственное мнение о событиях и явлениях.

Ограничения рандомизированного контрольного исследования

Во-первых, в эксперименте размер выборки был небольшим, а коэффициент отсева был высоким, что повлияло на силу статистического анализа. Во-вторых, необходимы дополнительные гипотезы и оценки для изучения того, в какой степени результаты проведенного воздействия являются значимыми. В-третьих, эксперимент был ограничен выбранной темой исследования – «гражданская идентичность». Поэтому необходимы дополнительная практика и исследования, чтобы увидеть, как можно эффективно применять цифровое повествование к другим темам гражданского образования. Также не было рассмотрено воздействие на макроуровне (например, как медиатексты влияют на аудиторию поколения Z).

Заключение

Как отмечалось в начале этой статьи, исследований, сообщающих об эмпирических результатах использования цифрового повествования, немного.

Это исследование предлагает некоторые начальные эмпирические данные и доказательства, раскрывающие потенциальную эффективность цифрового повествования в гражданской идентичности молодежи. Это особенно ярко проявляется в самой диалоговой основе цифрового повествования, которое использует нормативные практики и цифровые медиа для облегчения рефлексивных диалогов.

Как уже было отмечено, цифровое повествование способно:

- 1) обеспечивать диалог с предполагаемой аудиторией;
- 2) поддерживать определенные контексты межличностных диалогов;
- 3) формировать личностную рефлексивность.

Такой подход расширил сферу нарративной практики и дал дальнейшее развитие применению цифрового повествования. Кроме того, это исследование предлагает некоторые первоначальные данные, показывающие, что

цифровое повествование можно использовать для облегчения диспозиции критического мышления в гражданской идентичности молодежи. Это подразумевает возможность использования так называемых «мягких навыков» для преподавания достаточно сложных или трудных тем.

Проблема гражданской идентичности современной молодежи сегодня является актуальной. Именно поэтому наш проект функционировал на социальном фоне Башкортостана, насыщенном политическими, религиозными и национальными взглядами, которые могли фокусировать те или иные взгляды молодых граждан. Тем не менее, исследование прошло успешно, что продемонстрировало полученные результаты интервенционной группы, которые смогли повысить уровень самооценки, склонность к критическому мышлению и снизить когнитивную закрытость, что позволило участникам, представителям поколения Z, свободнее конструировать свою гражданскую идентичность. У участников интервенционной группы вырос уровень склонности к критическому мышлению, уровень личной идентификации, и межличностных взаимоотношений с различными культурными идентичностями. Среди участников интервенционной группы отмечается снижение их этноцентрических взглядов и повышение гражданской идентичности. Участники контрольной группы продемонстрировали высокий уровень когнитивной закрытости, их результаты не подверглись изменениям.

Хотя этот проект является лишь конкретной и упрощенной версией практики цифрового повествования в конкретном социокультурном контексте, он имеет теоретическую и методологическую значимость. В дальнейшей перспективе – применение критического дискурс-анализа к исследованию кейсов, с использованием методологии Ю. Хабермаса, представленной в работе А. Н. Линде (Линде, 2019), который будет реализован в аспекте молодежной гражданской идентичности.

Результаты настоящего исследования утверждают, что цифровое повествование представляет собой подход к вмешательству, который использует возможности цифровых медиа для совершенствования способности воспринимать новые разнообразные сведения, а также умений интегрировать противоположные точки зрения и находить компромиссы, оно адаптирует методы консультирования и помогает развивать критическое мышление участников в социальном пространстве гражданской идентичности. Как показывает анализ литературы по теме исследования, сегодня малочисленны исследования об эмпирических результатах использования практики цифрового повествования, которые бы целенаправленно изучали эффективность цифрового повествования в формировании гражданской идентичности молодежи.

Подводя итоги, отметим, что идея использования цифрового повествования в качестве подхода к развитию гражданской идентичности молодежи не нова. Однако она все еще находится в зачаточном состоянии, отчасти из-за отсутствия экспериментальных исследований в этой области. Таким образом, данное исследование является новым шагом в восполнении этого научного пробела.

Список литературы

1. Горохова, Л.А. (2016). Технология digital storytelling (цифровое повествование): социальный и образовательный потенциал. *Современные образовательные технологии и IT-образование*, (3), 40–49.
2. Дробижина, Л.М. (2013). *Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет*. Москва: Новый хронограф.
3. Линде, А.Н. (2019). Обоснование нового подхода к критическому дискурс-анализу: кейс публичных слушаний в РФ. *Дискурс-Пи*, (3), 63–77. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10305>
4. Маняйкина, Н.В., Надточева, Е.С. (2015). Цифровое повествование: от теории к практике. *Педагогическое образование в России*, (10), 60–64.
5. Нестерова, И.А. (2022). Нарративная практика: история сопротивления эмоциональным качелям. *Психология и психотерапия семьи*, (1), 5–20. <https://doi.org/10.24412/2587-6783-2022-1-5-21>
6. Ситяева, С.М., Яремчук, С.В. (2019). *Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи*. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Амур. гуманитар.-пед. гос. ун-та.
7. Шайхисламов, Р.Б., Садретдинова, Э.В., Коровкина, Н.В. (2015). *Этническая и гражданская идентификация в коммуникативном пространстве полиэтничного региона*. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та.
8. Якунина, Н.А. (2019). Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия. *Гаудеамус*, 18(4), 21–26. [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4\(42\)-21-26](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4(42)-21-26)
9. Bailin, S., Case, R., Coombs, J.R., & Daniels, L.B. (1999). *Conceptualizing critical thinking*. *Journal of Curriculum Studies*, 31(3), 285–302. <https://doi.org/10.1080/002202799183133>
10. Chan, Ch. (2019). Using digital storytelling to facilitate critical thinking disposition in youth civic engagement: A randomized control trial. *Children and Youth Services Review*, (107), 285–302. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104522>
11. Ennis, R.H. (1993). Critical Thinking Assessment. *Theory into Practice*, 32(3), 179–186. <https://doi.org/10.1080/00405849309543594>
12. Facione, P.A., Facione, N.C., & Giancarlo-Gittens, C.A. (2000). The disposition toward critical thinking: Its character, measurement, and relationship to critical thinking skill. *Informal logic*, 20(1), pp. 61–84. <https://doi.org/10.22329/il.v20i1.2254>
13. Likert, R. (1932). *A technique for the measurement of attitudes*. New York.
14. Mennies, R.J., Stewart, L.C., & Olino, T.M. (2021). The relationship between executive functioning and repetitive negative thinking in youth: A systematic review of the literature. *Clinical Psychology Review*, 88. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2021.102050>

15. Neuliep, J.W. (2002). Assessing the reliability and validity of the generalized ethnocentrism scale. *Journal of Intercultural Communication Research, 31*(4), 201–215.
16. Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image*. Princeton: Princeton Univ. Press.
17. White, M. (2007). *Maps of narrative practice*. New York: WW Norton & Co.
18. Young, K. (2019). Reflections on narrative, neuroscience and social engagement. *International Journal of Narrative Therapy and Community Work, 3*(3), 54–57.

References

1. Bailin, S., Case, R., Coombs, J.R., & Daniels, L.B. (1999). Conceptualizing critical thinking. *Journal of Curriculum Studies, 31*(3), 285–302. <https://doi.org/10.1080/002202799183133>
2. Chan, Ch. (2019). Using digital storytelling to facilitate critical thinking disposition in youth civic engagement: A randomized control trial. *Children and Youth Services Review, 107*, 285–302. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104522>
3. Drobizheva, L.M. (2013). *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience 20 years]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Ennis, R.H. (1993). Critical Thinking Assessment. *Theory into Practice, 32*(3), 179–186. <https://doi.org/10.1080/00405849309543594>
5. Facione, P.A., Facione, N.C., & Giancarlo-Gittens, C.A. (2000). The disposition toward critical thinking: Its character, measurement, and relationship to critical thinking skill. *Informal logic, 20*(1), pp. 61–84. <https://doi.org/10.22329/il.v20i1.2254>
6. Gorokhova, L.A. (2016). Tekhnologiya digital storytelling (tsifrovoe povestvovanie): sotsial'nyy i obrazovatel'nyy potentsial [Social and educational potential of digital storytelling]. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii i IT-obrazovanie, 3*(3), 40–49.
7. Likert, R. (1932). *A technique for the measurement of attitudes*. New York.
8. Linde, A.N. (2019). Obosnovanie novogo podkhoda k kriticheskomu diskursu-analizu: keys publichnykh slushaniy v RF [Justification of a new approach to critical discourse analysis: the case of public hearings in Russia]. *Diskurs-Pi, 3*(3), 63–77. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10305>
9. Manyaykina, N.V., & Nadtocheva, E.S. (2015). Tsifrovoe povestvovanie: ot teorii k praktike [Digital storytelling: from theory to practice]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 10*(10), 60–64.
10. Mennies, R.J., Stewart, L.C., & Olino, T.M. (2021). The relationship

between executive functioning and repetitive negative thinking in youth: A systematic review of the literature. *Clinical Psychology Review*, 88. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2021.102050>

11. Nesterova, I.A. (2022). Narrativnaya praktika: istoriya soprotivleniya emotsional'nym kachelyam [Narrative practice: a history of resistance to emotional swing]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i*, (1), 5–20. <https://doi.org/10.24412/2587-6783-2022-1-5-21>

12. Neuliep, J.W. (2002). Assessing the reliability and validity of the generalized ethnocentrism scale. *Journal of Intercultural Communication Research*, 31(4), 201–215.

13. Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image*. Princeton: Princeton Univ. Press.

14. Shaykhislamov, R.B., Sadretdinova, E.V., & Korovkina, N.V. (2015). *Etnicheskaya i grazhdanskaya identifikatsiya v kommunikativnom prostranstve polietnicheskogo regiona* [Ethnic and civil identification in the communicative space of a polyethnic region]. Ufa: Izd-vo Bashkir . gos. un-ta.

15. Sityaeva, S.M., & Yaremchuk, S.V. (2019). *Sub'ektivnye i ob'ektivnye prediktory ekstremistskikh ustanovok molodezhi* [Subjective and objective predictors of youth extremist attitudes]. Komsomolsk-on-Amur: Izd-vo Amur. gumanit.-ped. gos. un-ta.

16. White, M. (2007). *Maps of narrative practice*. New York: WW Norton & Co.

17. Yakunina, N.A. (2019). Kriticheskoe myshlenie: analiticheskoe osmyslenie ponyatiya [Critical thinking: analytical understanding of concept]. *Gaudeamus*, 18(4), 21–26. [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4\(42\)-21-26](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2019-18-4(42)-21-26)

18. Young, K. (2019). Reflections on narrative, neuroscience and social engagement. *International Journal of Narrative Therapy and Community Work*, (3), 54–57.

Информация об авторах

Ирида Ирековна Еникеева, доктор философских наук, профессор кафедры Международных отношений, истории, востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2116-1375>, e-mail: zekrist@mail.ru

Радик Зинатович Юлбаев, директор НИЦ духовного развития, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, e-mail: yulbayev@mail.ru

Information about the authors

Irida I. Enikeeva, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technological University (USPTU), Ufa, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2116-1375>, e-mail: zekrist@mail.ru

Radik Z. Yulbaev, Director of the Research Center for Spiritual Development, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia, e-mail: yulbayev@mail.ru
